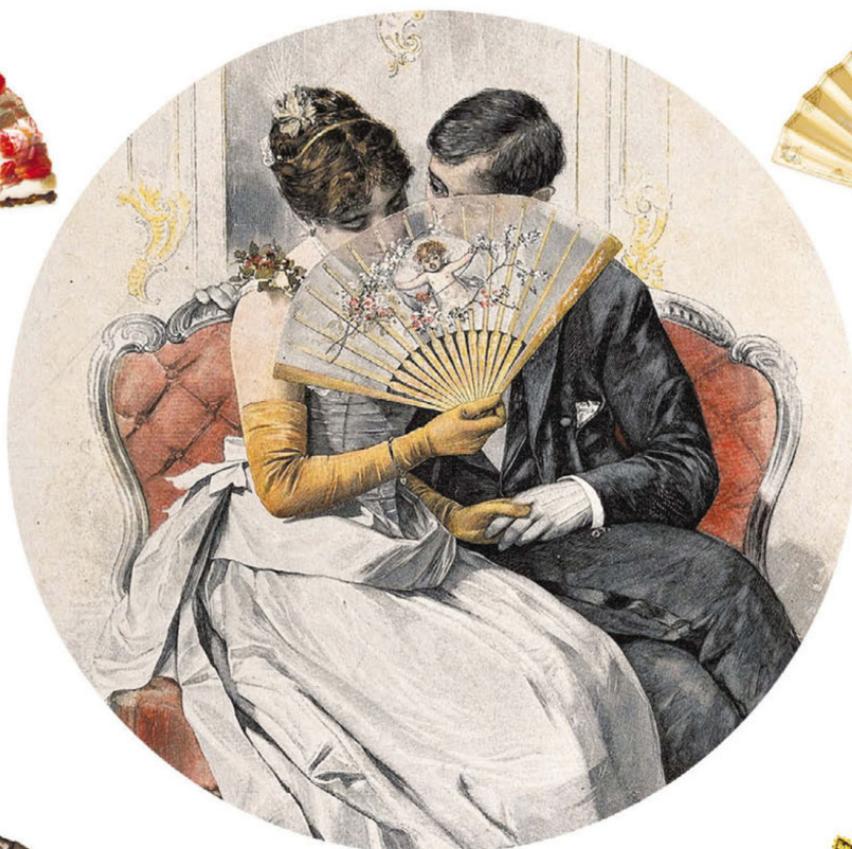

Сергей и Татьяна Макеевы

О ЧЁМ РАССКАЗАЛ ВЕЕР

Сергей Макеев

О чем рассказал веер

ТД "Белый город"

2020

УДК 688.72
ББК 74.900.6

Макеев С. Л.

О чем рассказал веер / С. Л. Макеев — ТД "Белый город", 2020

ISBN 978-5-485-00631-0

Книга «О чём рассказал веер» – это сборник рассказов о веерах. Писатель Сергей Макеев и коллекционер Татьяна Макеева представили редкие веера из своего собрания; в каждом сюжете веер служит своего рода зеркалом, в котором отразились образ главной героини, ее семья, родные и друзья, а также культура, быт, традиции и нравы в России конца XIX – начала XX века. В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 688.72

ББК 74.900.6

ISBN 978-5-485-00631-0

© Макеев С. Л., 2020
© ТД "Белый город", 2020

Содержание

И день сиял, и млели розы...	6
Тайное послание	9
«Если б мог ты говорить!..»	12
Ирисы	16
Новогодние сюрпризы	18
Библейский сюжет	23
Маска, я тебя знаю!	25
Веер-оракул	27
Бальное остроумие	31
Урок французского	36
Свет мой зеркальце, скажи...	39
Веер-сувенир	43
Там упоительный Россини	45
Веер «Тысяча лиц»	48
Веер-птица	52
Веер и пушинка	55
Последняя жертва	59
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Сергей и Татьяна Макеевы О чём рассказал веер

В книге представлены веера из коллекции Татьяны Макеевой
Фотографии Никиты Макеева

© Макеев С.Л., Макеева Т.А., текст, иллюстрации, 2020

© Издательство «ДАРЪ», 2020

© ООО ТД «Белый город», 2020

В книге представлены веера из коллекции Татьяны Макеевой.
Фотографии Никиты Макеева.

И день сиял, и млели розы...

Отправив детей в гимназию и проводив мужа на службу, Ольга Николаевна вошла в свою комнату и раскрыла створки старинного шкафа. Там хранилась ее коллекция вееров. Примерно раз в неделю она доставала веера, любовно и бережно раскрывала их один за другим и раскладывала на столе, на диване и креслах. Она считала, что выпускает их на волю, дает им подышать. И вот они расположились по всей комнате, напоминая ярких экзотических птиц или диковинных бабочек, готовых в любой момент вспорхнуть и улететь... Куда? Может быть, в те страны, где они родились, или в минувшее, когда они трепетали в руках прекрасных дам. Но нет, теперь их дом здесь, им тут хорошо.

*Веер плие, шелк, рисунок.
Остов: дерево, резьба, золочение.
Франция, 1890-е гг.*

Каждый раз Ольга Николаевна выбирала из коллекции один веер. Чем определялся ее выбор, она не всегда знала. Может быть, ее настроением (кстати, очень переменчивым), а может быть, какой-то интересной деталью, привлекавшей ее внимание и не замеченной ранее. Этот веер становился фаворитом, и Ольга Николаевна, бывало, весь день не выпускала его из рук.

Сегодня рука сама потянулась к тому самому вееру, с которого началось ее собрание. Его подарил ей будущий муж Иван Ильич, в те поры просто Иван. Они были давно знакомы, для нее не было секретом, что Иван в нее влюблен, да и он ей был симпатичен, однако... Как-то не было случая ему раскрыться. И вот он подарил ей на именины этот французский веер плие. Она раскрыла веер – и влюбилась в него! На экране из полупрозрачного газа, по верху, художник акварелью нарисовал гирлянду роз, все в нежно-розовой гамме – от почти белой до почти красной. Головки цветов словно свешивались из-за полупрозрачной изгороди. Деревянный остов совсем простой, только крайняя гарда была вырезана в виде стебля. Веер был одновременно модным, в стиле модерн, и классическим, в духе века минувшего.

Тогда ей вспомнились строки молодого поэта Ивана Бунина:

И день сиял, и млели розы,
Головки томные клоня,
И улыбались сквозь слезы
Очами, полными огня.

Ольга Николаевна внезапно поняла, что у Ивана благородная и тонкая душа, изысканный вкус и что любит он ее глубоко и нежно. Красные розы – символ страсти – были бы просто неприличны. Этот веер оказался его признанием в любви, откровением Ивана о себе и в конечном счете привел их к алтарю.

А еще он положил начало увлечению Ольги веерами. Она с детства видела много вееров – у ее куклы-пандоры был крошечный веерок, потом ей подарили маленький детский веер, а бабушка и мама показали ей, как им пользоваться. Но этот аксессуар казался ей анахронизмом, чем-то лишним в начале нового XX века!.. А вот, поди ж ты, «розовый веер», как она его называла, пробудил ее интерес. Бабушки и тетушки охотно передали ей свои веера, антиквары и хозяева модных магазинов придерживали для нее новые поступления, а то и присылали веера ей на дом – не угодно ли приобрести? Во время путешествий за границу Ольга Николаевна купила несколько вееров знаменитых домов «Дювеллера», «Александр» и «Кисс». Иван Ильич ворчал, но терпел.

– Иван, но ведь ты же собираешь книги! – замечала она.

Звякнул дверной колокольчик – муж пришел обедать. Ольга Николаевна вышла его встречать, развернув их «розовый веер»...

Веер пальметта, бумага, раскрашенная гравюра.

Остов: кость, резьба.

Франция, середина XIX в.

Тайное послание

По средам Ольга Николаевна принимала визиты. Поскольку все знали, что муж Иван Ильич по будням всегда на службе, то ее навещали в основном женщины. По светским правилам дамы в таких случаях не брали с собой веера. Хозяйка должна была приготовить один или несколько своих вееров, которыми гости могли при желании воспользоваться. Было принято выкладывать на столике в гостиной хорошие, но недорогие, неприязательные веера, чтобы не возбудить зависть в посетительницах или, не дай Бог, не прослыть хвастливой. Ольга Николаевна следовала этикету, но старалась разнообразить выбор и иногда предлагала веер с изюминкой.

Около полудня пришла подруга еще с гимназических лет Лиза Лесневская и расцеловалась с Ольгой щека в щеку. Зная увлечение хозяйки веерами, она тотчас взяла в руки один из них, раскрыла и заметила:

– Какой необычный веер! Я такого еще не видела. Он словно составлен из фигурных листьев на длинных черенках.

– Это веер пальметта. Он, действительно, встречается довольно редко, – объяснила

Ольга Николаевна. – Кстати, и рисунок интересный, даже интригующий, я бы сказала.

– Да что ж в нем такого? Галантная сцена, какими часто украшали веера.

– Поначалу и я так думала. Вот кавалер в центре композиции что-то оживленно говорит роскошно одетой даме. Мужчина справа играет на мандолине, словно создает музыкальный фон для ухаживания. А что делает вторая дама – подруга или компаньонка?

– Господи! – воскликнула Лиза. – Она же тянется к карману кавалера, видно, записку хочет положить.

Подруги некоторое время обсуждали интригу, запечатленную на веере. Пришли к общему мнению, что дама, скорее всего, тоже влюблена и в тайном послании назначает свидание.

– Какие чудесные истории может рассказать старинный веер! – воскликнула Лиза, прощаясь. – А ты, Оленька, должна их записывать, непременно!

*Веер плие, бумага, рисунок.
Остов: кость, резьба, роспись, золочение.
Франция, XVIII в.*

«Если б мог ты говорить!..»

На этот раз королем благородного собрания вееров был избран старинный веер XVIII века с пасторальной сценой. Этот веер достался Ольге Николаевне от бабушки. Как он попал к бабушке – теперь уже не спросишь...

Пасторальные сцены часто изображали на веерах начиная с XVII века. Облик пастухов и пастушек менялся, они представали в одеждах античной эпохи, Ренессанса, барокко и рококо. Но в любом случае это были не настоящие селяне и селянки, а господа в нарядах «a la bergere». Но этот условный язык пасторали воспринимался естественно, как наивная любовная песенка.

По странному совпадению недавно Ольга Николаевна нашла в нотном магазине французское издание романа Жюль Массне «Веер» на стихи неизвестного поэта. Композитор обозначил жанр сочинения так: «Старинная французская песня».

Ольга Николаевна открыла крышку рояля, поставила на откидной попиптр ноты, рядом положила бабушкин веер. Она заиграла вступление, потом запела по-французски. В русском переводе это звучало так:

Вот любимая вещица —
Веер легкий и чудесный,
Бабушка его однажды
Своей дочке отдала.
Бабушкин прелестный веер,
Если б мог ты говорить!..
На твоих волнистых складках
Пастушок в любви клянется

Той напудренной пастушке
Подле маленькой овечки,
Под оливою густой...

У Ольги Николаевны был приятный голос, несильный, но глубокий, грудной, он не поражал слушателей, но неизменно волновал. Она поглядывала на раскрытый веер – он как будто служил иллюстрацией к песне.

Берегитесь, дорогая!..
Ведь чепец ваш может скоро
Через мельницу взлететь!..¹
Сколько ласк и тайной неги
В складках веера сокрыто,
Сколько пылкого румянца
И порой бездумных клятв!
В твоём шелке легком, тонком
Аромат любви прошедшей...
Что сказал бы веер старый,
Если б мог он говорить?..

¹ Перефразированная французская поговорка: «Забросить чепец за мельницу», что означало «пуститьсь во все тяжкие».

à Mademoiselle MARG. VILMA.

1

L'ÉVENTAIL

VIEILLE CHANSON FRANÇAISE

POÉSIE
de
STOP

MUSIQUE
de
J. MASSENET.

N°3
Teneur ou Soprano.

All^{to} moderato.
à 2 temps, *Léger*

PIANO

Amable bi-jou de fa-mil-le, É-

-veu, tail léger et charmant Qu'un jour ma grand'mère à sa fil-le Dou-na lors que j'é-

COPYRIGHT by BEUGEL et Cie 1892.
H et Cie 7669 (3) BEUGEL et Cie Editeurs.

Paris. AU MENESTREL, 2 bis r. Vivienne

Ноты романса Ж. Массне «Веер». Брошюра. Франция, 1892 г.

Ольга Николаевна закрыла крышку рояля, сложила веер и убрала его в шкаф. И весь день ее не покидало приятное чувство с оттенком легкой грусти.

Ирисы

Зимним морозным утром Ольга Николаевна первым делом подходила к окну и любовалась чудесными узорами на стекле. В спальне узоры чаще всего бывали «растительные», в виде фантастических деревьев и цветов. Днем тепло от печей и камина «стирало» произведение художника-мороза, но уже поздним вечером на стекле появлялись первые штрихи новой картины.

Сегодня Ольга Николаевна, присмотревшись, узнала в морозных узорах свои любимые цветы – ирисы. Вот вошло солнце и расцвело серебристый рисунок голубыми, розовыми и золотистыми тонами. Ирис – загадочный красавец, словно отражает противоречия мира. Одни лепестки его обращены к небу, другие смотрят вниз. Таинственный и изменчивый, он вечно удивляет красками и формой. Недаром эти цветы стали своеобразным символом модного нынче стиля ар-нуво. Как раз недавно Ольга Николаевна купила веер с изображением ирисов. Она развернула его, и пока расправлялись шелковые складки, цветы словно покачивались, кивая головками.

*Веер плик, шелк, рисунок.
Остов: дерево, резьба.
Франция, 1870-1880-е гг.*

Ей припомнился сад на даче и клумба с ирисами, которые она высаживала сама каждый год. Ольга Николаевна старалась вырастить ирисы разных цветов – голубые, оранжевые, розовые.

Но, конечно, преобладал основной – сине-фиолетовый. От этих воспоминаний на нее словно повеяло чудным запахом лета, трав и цветов.

Вспомнилась почему-то старая нянька, которая ко всем обращалась «касатик», – так в России называли цветок ириса. А ее, маленькую, няня звала не иначе как «Оленька-касаточка». Всплыла в памяти старая растрепанная книжка «Любовный язык цветов», которую она читала тайком от взрослых, поэтому, наверное, и запомнила на всю жизнь. Об ирисах там было сказано

вот что: голубой ирис – непорочность, розовый – любовь и нежность, оранжевый – радость и веселье. А для мужчины ирис означает бесстрашие...

Весь день веер лежал раскрытым на виду.

Ольга Николаевна распорядилась не топить в спальне, чтобы сохранить морозные узоры. Так что пришлось Ивану Ильичу лечь в холодную постель.

Она же еще долго сидела у окна, набросив шубку. Месяц поднялся над крышами, яркий, как полная луна, и морозные цветы окрасились в синие, голубые и фиолетовые тона – точно-точно как на веере.

Новогодние сюрпризы

*Кукла. Западная Европа.
Первая треть XX в.*

В гостиной пахло хвоей и смолой. Иван Ильич сам установил елку, Ольга Николаевна с детьми украсили ее игрушками и самодельными гирляндами и звездами. Лакомства развешивали перед самым праздником, чтобы яблоки и конфеты были свежими. Но грецкие орехи в золотой бумаге уже мерцали тут и там, а деревянный, ярко раскрашенный Щелкун стоял у подножия, широко раскрыв рот, словно ожидая любимой работы.

А в затишье комнат – прятки,
В чет и нечет счет.
А потом настанут Святки,
Снова Новый год.

Константин Бальмонт

*Веер плие, шелк, роспись, кружево, тесьма.
Остов: кость, резьба, роспись, золочение.
Западная Европа, 1900-е гг.*

Подарки, конечно, хранились в секрете. Лёвущке купили отличную лошадку-качалку, а Маняше приготовили нарядную заграничную куклу. Игрушки спрятали в кладовке, заперев ее на ключ, чтобы дети не увидели их прежде времени.

Иван Ильич недолго мучился, что подарить жене, и купил ей модный веер. Продавщица предложила ему «последний писк моды», как она выразилась, веер в стиле ар-нуво с рисунком знаменитого художника Альфонса Мухи.

Лошадка-качалка. Западная Европа, 1900-е гг.

А Ольга Николаевна решила, что нет ничего оригинальнее мужского веера, каким пользовались денди во времена Оскара Уальда. Это был веер необычной конструкции, телескопический: спицы, на которых был закреплен шелковый экран, выдвигались, и веер «вырастал» вдвое.

Веер плите мужской телескопический, бумага. Остов: дерево. Западная Европа, XIX в.

Все ходили по дому с загадочным видом. Дети в ожидании – что найдут они под елкой? Супруги в легком волнении – понравятся ли их подарки? И только старинные напольные часы бесстрастно отсчитывали последние дни и часы до наступления Нового года.

*Веер плие, бумага, рисунок.
Остов: кость, резьба.
Северная Европа, середина XVIII в.*

Библейский сюжет

На время рождественского поста все развлечения – театр, балы, танцевальные вечера – отменялись. Только визиты составляли исключение. После полудня подруги и знакомые дамы заполнили гостиную Старцевых. Одна гостья, указав на веера, разложенные на столике, произнесла шуточно, но с оттенком легкой укоризны:

– Ольга, вы неисправимы! Даже во время поста вы демонстрируете веера – предметы соблазна и обольщения. Уместны ли они сейчас?

– А вы присмотритесь внимательнее, – возразила хозяйка. – Это, можно сказать, иллюстрации к Писанию.

С этими словами она развернула один из вееров.

– Батюшки святы! Это ведь «жертвоприношение Авраама»!

И точно, на экране веера был представлен эпизод из Ветхого Завета, когда Бог, испытывая веру Авраама, приказал ему принести в жертву любимого сына Исаака; в последний момент ангел остановил Авраама, и в жертву был принесен баран.

Все были очень заинтригованы и попросили хозяйку объяснить, как появились на веерах религиозные сюжеты. Ольга Николаевна охотно рассказала, что знала.

В конце XVII – начале XVIII столетия на складных веерах художники чаще изображали сюжеты из античной истории и мифологии. В это же время во Франции возобновились гонения на протестантов. Многим пришлось бежать на север, в Голландию и Англию. Среди французских эмигрантов оказалось немало опытных и искусных мастеров-веерщиков. На новой родине они учитывали запросы местных набожных покупателей и расписывали веера сюжетами из Библии. Конечно, такие «благочестивые» веера служили не для балов и прочих увеселений – их брали в церковь. В храмах бывало тесно и душно, службы шли долго, без изъятий. Веер выручал прихожанок.

– Именно такие веера с рисунками на библейские темы чаще других привозили в Россию в начале XVIII века, – закончила свой рассказ Ольга Николаевна.

Дамы бережно передавали из рук в руки старинный веер – когда еще доведется прикоснуться к восемнадцатому веку!

Маска, я тебя знаю!

На Святках редко сидели дома. С утра делали обязательные визиты родственникам или близким знакомым, а потом гуляли, катались в санях, съезжали с гор на салазках. В городском саду заливали каток, и вся семья Старцевых там каталась: Ольга Николаевна на пару с Лёвушкой, а Иван Ильич с Маняшей. По вечерам родители выезжали в свет – то в театр, то на званый вечер, то на бал.

Этот бал-маскарад давали в театре, входные билеты стоили недешево, но все средства поступали в помощь недостаточным студентам. По условиям бала полный карнавальный костюм был необязателен, достаточно маски или какой-нибудь части наряда. Иван Ильич накинул на плечи черный плащ «домино» и превратился в графа Монте-Кристо. А Ольга Николаевна взяла особенный веер – веер-маску с прорезями для глаз, заранее заказанный для этого случая. Он был весьма необычным – асимметричной формы, с таинственным мерцающим декором, а его черный полупрозрачный шелк словно служил вуалью.

Благодаря этому вееру или по каким-то другим неведомым причинам, но Ольга Николаевна оказалась на балу в центре внимания. Ее бальная книжечка в считанные минуты заполнилась ангажементами. И Иван Ильич с легким сердцем сел с приятелями за карты, а потом отправился в буфет.

После танцев Ольга Николаевна с несколькими знакомыми дамами сидели на стульях и обмахивались веерами. Воротился Иван Ильич в прекрасном расположении духа, от него слегка пахло коньяком и дорогой сигарой.

– Жан, вы должны нас развлечь, – сказала одна из дам.

– А знаете ли вы, милостивые государыни, отчего взмахи веером навевают прохладу? – спросил Иван Ильич.

– Конечно! – заговорили все разом. – Веер гонит воздух, и он охлаждает...

– Но ведь воздух вокруг нас имеет такую же температуру, – возразил Иван Ильич. – Откуда же берется прохлада?

Все замолчали. Выдержав паузу и насладившись растерянностью своих слушательниц, Иван Ильич объяснил:

– Дело в том, сударыни, что тело человека постоянно выделяет тепло, которое полностью не улечивается, а обволакивает нас. В частности, на лице у нас своего рода тепловая «маска». Даже легкий ветерок сдувает ее, и мы чувствуем прохладу, то есть перепад температур, – ведь под «маской» воздух теплее, чем снаружи. Примерно то же самое происходит, когда вы обмахиваетесь веером.

Ольга Николаевна смотрела на мужа и думала: «Все-таки умные мужчины – моя слабость!»

Это был прекрасный вечер.

Веер плие «маска», шелк, пайетки.

Остов: дерево, резьба.

США, конец XIX в.

Веер-оракул

*Раз в крещенский вечерок
Девушки гадали...*

Ольга Николаевна всегда гадала вечером на Крещение. Как женщина немного суеверная, она побаивалась гадать в одиночку, поэтому всегда приглашала подруг, из тех, кто жил по соседству, чтобы им не страшно было возвращаться за полночь.

Сегодня гадали на пару с племянницей Анной, по-домашнему Нютой, которая гостила у них несколько дней. Нюта была уже девушка на выданье, и для нее гадание было не пустой забавой.

Веер плие, бумага, раскрашенная гравюра.

Остов: дерево.

Англия, 1805 г.

Сначала лили расплавленный воск в тазик с водой, но фигурки выходили бесформенные. Тогда поставили два зеркала напротив друг друга и зажженную свечу между ними. Но в бесконечной галерее отражений было пусто, а потом промелькнуло что-то черное и страшное, и дамы завизжали как гимназистки.

Наконец решили доверить судьбу картам, однако значений всех карт не знали, только дам и королей. Совсем уж было расстроились, но тут Ольга Николаевна вспомнила:

– Постой, у меня есть веер-руководство.

Она открыла свой шкаф с коллекцией вееров, осторожно достала и развернула старинный английский веер, на котором были нарисованы гадальные карты, а рядом с ними слова пророчеств. В центре веера, над овальным изображением гадалки с картами, была надпись, она гласила: «*Искусство предсказания по картам*».

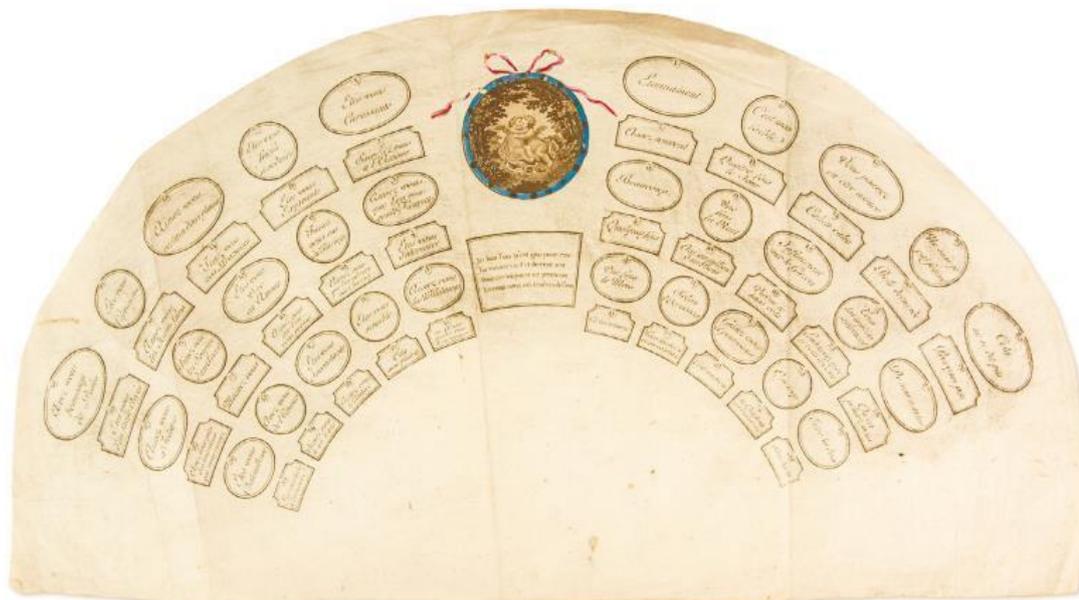

Дамы стали раскладывать карты и сверяться с пояснениями на веере. Но английский язык они знали хуже, чем немецкий и французский, заспорили, чуть не поссорились...

В это время в комнату вошел Иван Ильич. На него замахали руками: как он посмел вторгнуться в их женское царство, да еще в такой секретный ритуал!

– Вы лучше посмотрите, что я вам принес! – сказал Иван Ильич. – Сегодня был у букиниста, перебирал кипу старинных гравюр и географических карт. И вот, совершенно случайно. Похоже, это заготовка для экрана веера. Насколько я могу судить, конец XVIII века. Притом это гадательный веер, как раз к случаю.

– Какая прелесть! – воскликнула Ольга Николаевна.

*Заготовка для экрана веера, бумага, печать, раскрашенная гравюра.
Франция, конец XVIII—начало XIX в.*

В центре веера, в раскрашенном от руки медальоне, были изображены два целующихся амура. Под ними помещено стихотворное пояснение: это гадание шутовское, так забавлялись сотни лет назад; и чтобы в сердце всегда была весна, отдайтесь любовным безумствам. Правила гадания были самые простые: на левой половине веера в рамках с номерами написаны вопросы; на правой стороне – ответы под теми же номерами. Вероятно, гадающие раскрывали одну из складок веера и в появившемся столбце выбирали любой вопрос; затем разворачивали другую половину веера и отыскивали соответствующий ответ.

Решили попробовать.

Ольге Николаевне достался вопрос: «Любите ли вы дурачиться?» И ответ: «Довольно часто».

Нюте: «Влюблены ли вы?» – «Поцелуйте меня, и я вам скажу».

Дамы заставили Ивана Ильича принять участие в игре, и ему выпало:

«Много ли у вас желаний?» – «Я бы этого не сказал».

И так 28 гаданий. Было много смеха, шуточных упреков и обвинений.

Крещенское гадание закончилось на веселой ноте. Вдруг Нюта серьезно спросила:

– А почему все-таки этот веер не был завершен? Смотрите-ка, медальон раскрашен – и все, на этом работа замерла.

– Могу предположить, – начал Иван Ильич, – что его отпечатали и начали расписывать накануне Французской революции. Остались в прошлом галантные празднества и забавы, словно сошедшие с картин Ватто и Фрагонара. Игривость, тем более на веерах, стала неуместной. Мудрый Талейран вспоминал: «Кто не жил в годы, близкие к 1789-му, тот не знает, что такое радость жизни».

Ольга Николаевна подтвердила:

– После Французской революции искусство веера постепенно пришло в упадок. Веерами почти не пользовались. И только в эпоху Наполеона веера снова вошли в моду, но – маленькие, в соответствии с «античной» модой эпохи ампир. Проницательная мадам де Жанлис объясняла это по-своему: «Раньше, когда краснели, когда хотели скрыть застенчивость или смущение, носили большие веера; веер был защитой, обмахиваясь им можно было прикрыться. Теперь

мало краснеют, не смущаются, не имеют никакого желания скрывать и носят неприметные веера».

Потом она добавила:

– А знаешь, Нюточка, у меня есть еще один веерный экран этого времени, он совершенно готовый, но так и не стал настоящим веером. Я тебе его покажу на днях. Правда, он еще более игривый, но ты ведь уже взрослая барышня.

Все рассмеялись. Тетя поцеловала племянницу и пожелала покойной ночи.

А я, я женщина во всем значенье слова.
Всем женским склонностям покорна я вполне.
Я только женщина, – гордиться тем готова.
Я бал люблю!.. отдайте балы мне!

Евдокия Ростопчина

*Веер-бальная книжка, перламутр, кость, металл.
Франция, 1840-е гг.*

Бальное остроумие

Ольга Николаевна вернулась из антикварной лавки раскрасневшейся, тотчас вооружилась лупой и села рассматривать свою покупку. Улыбка не сходила с ее лица.

Неслышно подошел Иван Ильич и заглянул через плечо.

– Новый экспонат в твою коллекцию?

– Посмотри, Иван, это веер – бальная книжка. Старинный, я думаю, первая половина XIX века. Обложка перламутровая, а листки-пластины костяные. На них записывали свинцовым карандашиком название танца и имя кавалера, пригласившего даму. Не дай Бог ошибиться. Скандал! После бала записи можно было легко стереть. Но хозяйка этого веера – бальной книжечки сделала остроумные зарисовки.

Ольга Николаевна раскрывала одну за другой пластины-страницы.

– Не правда ли, эти рисунки напоминают иллюстрации к «Горю от ума»? Вот этот персонаж, согнувшийся в полупоклоне, напоминает Молчалина. А этот, с брюшком, грудь колесом, похож на Репетилова. Этот, тонконогий, вышагивает, словно по льду скользит, – точь-в-точь Загорецкий. Вот и военный, чем не Скалозуб?

– А Чацкий-то есть в этом обществе «уродов с того света», как писал Грибоедов?

– Вот он – романтичный мужчина! Изображен, кстати, без всякой насмешки. Видно, дама ждала-ждала его приглашения, но...

– Вместо танца в объятиях этого красавца она упражнялась в остроумии, – закончил Иван Ильич. – Уж ты-то на балах никогда не занималась рисованием.

– Ах, балы это моя слабость, – вздохнула Ольга Николаевна с притворным смирением.

*Веер-экран каминный, картон, сетка, раскрашенная гравюра.
Рукоятка: дерево.
Англия, первая треть XIX в.*

Урок французского

Ольга Николаевна не упускала случая проэкзаменовать Лёвушку по иностранным языкам. Сегодня для этой цели она выбрала веер-экран начала XIX века с надписью по-французски.

Такие веера-экраны использовали не в качестве опахала, а для защиты лица от жара камина – даме следовало иметь «интересную бледность»; красное или загорелое лицо считалось даже неприличным. В выбранном Ольгой Николаевной веере-экране было сделано сетчатое «окошко», в котором можно было сменять картинки наподобие панорамы или райка.

Лёвушка с любопытством рассматривал веер. На раскрашенной вручную гравюре вокруг «окошка» были изображены парк в английском вкусе и благородное семейство, отдыхающее «на лоне природы». Справа возвышался огромный валун, или даже скала, на котором и была сделана надпись:

Sa masse indestructible
a fatigé le temps.

И подпись: Delille.

– Лёвушка, я подзабыла французский, – слухавила Ольга Николаевна, – помоги мне перевести.

Лёва перевел верно по содержанию: «Ее неразрушимая масса заставила устать время».

– Очень хорошо, – похвалила мама. – Но, поскольку это строчки из стихотворения, может быть, мы поищем более образные выражения?

В результате совместного творчества родился такой художественный перевод:

Так велика скалы несокрушимость,
Что даже время, утомившись, отступилось.

– А кто такой Делиль? – спросил Лёва.

– О, Жак Делиль был знаменитый поэт и переводчик, член французской Академии. Во время революции ему пришлось эмигрировать в Англию, и там его очаровали английские сады и парки, выглядевшие более естественными, природными, что ли, чем французские и немецкие. В начале XIX века Делиль вернулся на родину и напечатал свою поэму «Сады», в которой призывал современников быть соавторами природы, включать деревья, камни и водоемы в ландшафт садов и парков. Делиль был очень популярен у нас 100 лет назад. Кстати, в поэме «Сады», описывая природу разных стран, Делиль упомянул Россию. Как там у него, дай Бог памяти... кажется так:

В России северной свирепствуют метели,
Но мощные леса, их кедры, сосны, ели,
Мхи и лишайники во мгле морозных зим
Стоят зеленые под слоем снеговым.
Умение и труд там все преодолевают.
Огонь с морозами бороться помогает.

– Вот если бы все учебники состояли из таких рассказов и таких картинок! – вздохнул Лёвушка.

Оба остались очень довольны необычным уроком.

Веер плie, бумага, печать, раскрашенная гравюра. Остов: кость, резьба, металл, зеркалальце.

Франция, середина XIX в.

Свет мой зеркальце, скажи...

Этим вечером Ольга Николаевна с мужем и племянницей Анной отправились в оперу. В антракте Иван Ильич зашел в буфет, а дамы тем временем прогуливались в фойе. Ольга Николаевна развернула красивый старинный веер с изображением галантной сцены. Можно было подумать, что она разглядывает какие-то детали веера, но она вдруг сказала:

– А знаешь, Нюта, ведь за тобой неотступно следует молодой офицер. Ты не обращайся, это, пожалуй, неприлично. Я тебе опишу его, если хочешь.

– Вы, тетя, ясновидящая? – удивилась Аня.

- Почти. Твой воздыхатель высокий шатен, недурен собой и определенно умеет держаться.
- Бог мой, да как вы это узнали?!
- Благодаря вот этому вееру. Посмотри-ка внимательней.

И Ольга Николаевна указала на маленькое овальное зеркальце в изящной позолоченной рамке, оно было закреплено на лицевой пластине веера.

– Незаменимое изобретение наших прабабушек, – заметила Ольга Николаевна. – С помощью такого зеркальца можно было поправить прическу, припудриться. Но главное, можно было наблюдать, что творится у тебя за спиной.

– Тетя Оля, дайте мне скорее ваш веер, – взмолилась Аня.

Но в это время раздался звонок, тут и Иван Ильич подошел. Публика направилась в зал.

В продолжение второго действия Аня то и дело окидывала взглядом зал, бельэтаж и ложи. После спектакля Ольга Николаевна придержала мужа за рукав, шепнув: «Не спеши, пусть Аня одна пройдет в гардеробную».

Когда же супруги спустились в вестибюль, они увидели, как молодой поручик любезно помогает Ане одеть шубку...

*Веер бризе, дерево, металл, рисунок, рукописные тексты.
Германия, начало XX в.*

Веер-сувенир

Этот скромный веер бризе с изображением васильков подарила Ольге Николаевне молодая учительница немецкого языка Урсула Шварц. Она не так давно приехала в Россию, служила гувернанткой, давала частные уроки, к примеру, подтягивала Лёвушку и Маняшу по немецкому. И вот ей сделал предложение преподаватель женской гимназии. Перед свадьбой Урсула пришла к Ольге Николаевне, принесла веер и объяснила:

– Я бы не хотела, чтобы муж увидел этот веер. На нем есть личные записи, ничего предосудительного, но я не хочу возбуждать подозрений. А у вас, я знаю, он сохранится, а вместе с ним и часть моей жизни...

Незадолго до отъезда Урсулы в Россию в ее родном городке состоялся Бал цветов. Он стал для нее как бы прощальным балом. Все знакомые юноши танцевали с хорошенькой фройляйн. И по традиции записали пожелания на память на реверсе веера, который так и назывался «веер-сувенир». Он служил своего рода девичьим альбомом для памятных записей.

Ольга Николаевна с благодарностью приняла подарок и, в свою очередь, подарила невесте равноценный веер из своей коллекции.

После ухода гости Ольга Николаевна села разбирать надписи. В основном это были цитаты из стихов, афоризмы и пожелания.

«Любить и быть любимым – нет прекрасней дара на земле. С дружбой, на память – В. Фогель».

«Кто больше не любит и не ошибается, тот хоронит сам себя. С дружбой, на память – Ё.Р. Келлер».

«Мгновения проходят, и если ты их не использовал, значит, и не жил.

На память – Фриц Кай».

«В жизни Май бывает лишь однажды, и больше никогда. С дружбой, на память – М. Петри».

«Пусть годы пройдут, останутся в сердце прекрасные воспоминания. П. Зелберт».

«Дама дополняет блеск праздника, если музыка зовет к танцам. С дружбой, на память о «Бале цветов» – Курт Мюллерманн».

«Дамы это мой воздух, а без воздуха мне не жить. На память о Е. Штарке». «Кто не любит вино, женщин и песни, тот останется глупцом на всю жизнь. Альфред Зидлер».

В некоторых надписях сквозили не только мальчишеская бравада, но и печаль расставания, волнение молодых сердец перед новой неизведанной жизнью. Ольга Николаевна вспомнила свои первые балы и таких же русских юношей, старавшихся казаться мужчинами.

Она осторожно сложила веер, словно задернула занавес, скрывший сцены из жизни незнакомых прежде людей.

Веер плie, бумага, печать, раскрашенная гравюра.

Остов: перламутр, инкрустация.

Италия, 1820-е гг.

Там упоительный Россини

Ольга Николаевна обожала оперы Россини, некоторые слушала по несколько раз. Жаль, что не все его оперы ставили у нас. Правда, можно было купить ноты произведений композитора, а однажды Ольга Николаевна обнаружила фрагменты его малоизвестной оперы даже... на веере!

Она развернула старинный веер 1820-х годов, поставила его на пюпитр рояля и начала играть, а потом и напевать, хоть и не сильна была в итальянском.

Вошел Иван Ильич и облокотился на крышку рояля, некоторое время слушал внимательно, а потом сказал:

- Это Россини.
- Как ты узнал?
- Его трудно не узнать, – и продолжил цитатой из «Евгения Онегина»:

... Там упоительный Россини,
Европы баловень – Орфей.
Не внемля критике суровой,
Он вечно тот же, вечно новый,

Он звуки льет – они кипят,
Они текут, они горят,
Как поцелуи молодые.

Ольга Николаевна показала мужу веер.

– На этом веере – сцена из оперы «Матильда ди Шабран» и ноты самых ярких фрагментов. Часто ее ставили под названием «Коррадино» – по имени главного мужского персонажа. Этот грубый и жестокий дворянин, женоненавистник волею случая оказался опекуном осиротевшей красавицы Матильды. Однако молодая воспитанница сумела смягчить его сердце и разжечь в нем любовь. Но однажды Коррадино заподозрил девушку в измене и приговорил ее к смерти. К счастью, Матильда сумела оправдаться и. Помнишь, как пела Розина в «Севильском цирюльнике»?

Я так безропотна, так простодушна,
Вежлива очень, весьма послушна.
И уступаю я, и уступаю я
Всем и во всем, всем и во всем.
Но задевать себя я не позволю
И все поставлю на своем!
Сто разных хитростей, и непременно
Все будет так, как я хочу!

– О том же финальная ария Матильды ди Шабран, – продолжала Ольга Николаевна и, заглядывая в ноты на веере, пропела:

Мы рождены, чтоб побеждать и править!..

Каждая женщина иногда верит в эту сказку. Каждый мужчина иногда соглашается с нею.

Веер «Тысяча лиц»

Несколько дней у Старцевых гостил брат мужа – Федор Ильич, инженер-путеец. Он вернулся из Маньчжурии, где русские строили Китайско-Восточную железную дорогу. Ольге Николаевне он привез в подарок редкий китайский веер.

– Такие веера в Китае называют «веер тысяча лиц», – рассказывал Федор Ильич. – В Европе их чаще именуют «мандаринскими» – ими пользовались китайские чиновники, которых еще португальцы прозвали у мандаринами, от санскритского слова *mandari* – командир, начальник.

Ну а торговцам они известны как «кантонские», поскольку их отправляли из портового города Кантон, или по-китайски Гуанчжоу.

*Веер плие «Тысяча лиц», бумага, рисунок, аппликация тканью и слоновой костью.
Остов: дерево, роспись золотом по лаку.
Китай, середина XIX в.*

Ольга Николаевна внимательно рассматривала много – фигурную композицию.

– По-моему, лица и одежды наклеены.

– Верно, лица— это разрисованные пластинки из слоновой кости, они все разные, никогда не повторяются. А одежды – аппликация из тончайшего шелка.

Ольга Николаевна закрыла, а потом медленно раскрыла веер.

– Так вот откуда этот странный эффект, – сказала она. – Когда разворачиваешь веер, мерцание слоновой кости и блеск шелка создают иллюзию движения, словно фигур становится больше – действительно, тысяча лиц!.. Ну а что, собственно говоря, изображено на веере? Кто все эти люди?

– Точно сказать не могу, – развел руками Федор Ильич. – Но обычно на веерах такого типа изображали собрание чиновников, сцены из придворной жизни или из театральных постановок. Знаешь, Оля, китайцы очень странные. Они искренне считают, что мы все должны знать особенности их жизни, разбираться в их религии, традициях и культуре.

– Наверное, и мы им кажемся странными, – заметила Ольга Николаевна. – Мы знаем китайцев только как старательных и услужливых работников, преимущественно по китайским прачечным. А их родина – страна уникальной древней культуры. Сейчас начали переводить средневековую поэзию Китая. Вот, например...

Она взяла с полки книгу, заложившую закладкой, и прочитала:

...Здесь государь
Проводит дни с гостями,
Я слышу —
Музыка звучит опять.
Те, кто в халатах
С длинными кистями,
Купаться могут здесь
И пировать...

И три небесных нимфы
В тронном зале,
Окутав плечи
Тонкой кисеей,

Под звуки флейт,
Исполненных печали,
С гостями веселятся
День-деньской...²

Молчавший до тех пор Иван Ильич сказал:
– Разница в том, что и китайцев когда-нибудь поймут. А русских – никогда. Даже мы сами...

*Веер плиант, перья, дерево, шелковые ленты.
Франция, 1900-е гг.*

² Гао Ши (707–765), поэт эпохи империи Тан. Перевод Ё. Эйдлима.

Веер-птица

Великим постом балов не давали, но домашние вечера не прекращались. Супруги Старцевы были приглашены на суаре к сослуживцу Ивана Ильича. Многие дамы, не сговариваясь, пришли с веерами плиант – перьевыми веерами. Ольга Николаевна внимательно рассматривала их. Словно стая экзотических птиц собралась здесь: веера из страусовых перьев, из перьев марабу, павлина, лебедея, фазана и голубого попугая. Несколько плиантов были составлены из крашенных перьев, они выглядели очень эффектно, хотя, по мнению Ольги Николаевны, не могли сравниться с натуральными.

Эти веера вели свою родословную от больших опахал из перьев под названием «флабеллум», ими навевали прохладу еще на фараонов Египта. Флабеллумы были распространены и у аристократов Древней Греции. Позднее, при дворе английской королевы Елизаветы I, дамы обмахивались одним страусиным пером на точеной ручке из слоновой кости. А впервые такие перья появились в высоких прическах знатных дам, а затем и на шляпах – мужских и женских. На Востоке веерами из страусовых перьев пользовались даже одалиски в гаремах султанов. Бог знает, сколько страусов лишились оперенья из-за женской страсти к украшениям! Но в 1860-х годах в Южной Африке начали заводить страусовые фермы, там птицам время от времени обрезали перья, которые затем постепенно отрастали. Особенно ценились белые перья с крыльев и хвоста. Но и черные выглядели таинственно-элегантно.

*Веер плиант, перья страуса, дерево, роспись.
Франция, 1900-е гг.*

Хозяйка дома заметила:

– Ну, просто райский сад посреди наших снегов!

– Видно, повеяло весной, – улыбнулась Ольга Николаевна и развернула свой красавец-веер из черных и белых перьев страуса.

С таким веером любая женщина ощутила бы себя графиней. Как написал недавно поэт-декадент:

Овеев желание грёзовым веером,
Сверкая устовым³ колье,
Графиня ударила веером страусовым
Опешенного шевалье...

Веер Ольги Николаевны произвел впечатление: веера присутствующих дам заколыхались чуть сильнее, выдавая их волнение. Да, веер, этот вечный обманщик, иногда отражает истинные чувства своей хозяйки. К тому же веерам плиантам не к лицу суетливые движения. Ими нужно обмахиваться медленно, с достоинством, словно выказывая уважение окружающим и самому вееру.

*Веер плиант, перья фазана, дерево.
Западная Европа, конец XIX – начало XX в.*

Мадам де Сталь заметила однажды: «По манере пользоваться веером я легко могу отличить княгиню от графини и маркизу от разночинки».

³ «Устовым» – неологизм от слова «уста». Стихи Игоря Северянина.

*Веер плиант, перья фазана, целлулоид.
Западная Европа, конец XIX – начало XX в.*

Ольга Николаевна, не обладая никакими титулами, владела этим искусством в совершенстве.

*Веер плие детский, бумага, раскрашенная гравюра.
Остов: дерево.
Западная Европа, середина XIX в.*

Веер и пушинка

На дне рождения Маняши в гостиной собралось много детворы – подружки-гимназистки, дети родных и знакомых. Старший брат Лёвущка пообещал присмотреть за младшими. Родители дожидались детей в комнате Ольги Николаевны.

*Веер бризе, картон, хромофотография.
Поздравление ко дню святого Валентина.
США, конец XIX в.*

После «сладкого стола» дети начали играть. Ольга Николаевна краем уха слышала, как они спорят и ссорятся, а Лёвущка покрикивает на них и уже начинает сердиться. Мама решила, что пора вмешаться и вышла к детям.

- Давайте играть в пушинку! – предложила она.
- В пушинку? Как это? – заговорили гости.
- Сейчас увидите.

Веер плие детский «баллон», шелк, рисунок.

Остов: целлулоид, роспись.

США, начало XX в.

Ольга Николаевна принесла легкое перышко от своего старого боа и несколько вееров. Это были детские веера, с помощью которых девочек обучали владению настоящим веером, и взрослые веера со сценами, изображающими детей, – их особенно любили заботливые матери.

Ольга Николаевна раздала детям веера и подбросила перышко вверх.

– А теперь взмахами веера гоните перышко от себя, – объяснила она. – На кого оно сядет, тот проиграл и должен фант, то есть выполнить задание, которое ему назначат. Например, произнести скороговорку. Или прочесть азбуку с конца наперед. Или изобразить статую, а все присутствующие могут придавать ей разные позы. Только прошу вас, дети, берегите веера, они старинные и ценные.

Дети с увлечением играли в пушинку. А когда дело доходило до исполнения фантов, гостиная наполнялась смехом.

Вдруг вбежала Маняша и пожаловалась:

– Мама, а Лёва назначил мне фант «сесть на огонь»!

*Веер плите детский, бумага, раскрашенная гравюра.
Остов: дерево.
Западная Европа, середина XIX в.*

Встревоженная Ольга Николаевна вышла к детям. Лёвушка с хитрой улыбкой что-то писал на бумажке. Он положил ее на стул и приказал Маняше:

– Садись!

На бумажке было написано слово «огонь» и нарисованы языки пламени. Все расхохотались. Игра продолжалась.

*Игра в пушинку. Журнальная иллюстрация.
Англия, начало XX в.*

Когда же дети наигрались и заглянули в комнату к взрослым, им открылась удивительная сцена: мамы и папы самозабвенно гоняли веерами пушинку.

Последняя жертва

Ольга Николаевна воротилась домой из церкви. Горничная Глаша, принимая зонтик и шляпку, сказала:

- Заходил приказчик из Гостиного двора, сказал, что поступили веера из Парижа.
- Какие?
- Какими вы интересовались прошлый раз.

Веер плие, бумага, рисунок «Прощание Гектора с Андромахой».

Остов: перламутр, резьба, аппликация, золочение.

Дом «Александр». Франция, середина XIX в.

- Он, наверное, называл веерные дома, фирмы? Ты записала
- Я запомнила, – Глаша покраснела и отвела глаза. Она с трудом читала, а писала и того хуже. – Первый, он сказал, какой-то Александр.

*Веер плие, шелк, вышивка, кружевная тесьма.
Остов: перламутр, резьба, роспись, аппликация, золочение.
Дом «Дювеллера». Франция, последняя треть XIX в.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.